ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.8)

Научная статья
УДК 1
doi: 10.18522/2070-1403-2026-116-3-23-28

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ НЕЖНОСТИ КАК РИТУАЛИЗИРОВАННОЙ ПРАКТИКИ ПОВСЕДНЕВНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

© Нарине Липаритовна Вигель[1], Эмилиано Меттини[2], Лилия Таймуразовна Засеева[3]
[1, 2]Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова, г. Москва, Россия; [3]Горский государственный аграрный университет. г. Владикавказ, Россия
[1]22nara@mail.ru

Аннотация. Предлагается комплексная концептуализация нежности как эмоционального отношения, сочетающего мягкость, заботу и деликатность, с акцентом на её роль в социальных ритуалах. Анализируя лексические, философские, исторические и социокультурные измерения, авторы разграничивает нежность от интимности, эмоциональной близости и уязвимости. Нежность представлена как символический ресурс в ритуалах повседневности, выполняющий функции снижения напряжённости, маркировки групповых границ и компенсации инструментальности взаимодействий. Рассматриваются гендерные, культурные и телесные коды нежности в индивидуальном и коллективном контекстах, подчёркивая её значение для поддержания социальных связей.

Ключевые слова: нежность, социальные ритуалы, эмоциональная забота, символический обмен, проксемика, гендерные нормы, культурные практики, ритуал повседневности, символический интеракционизм, уязвимость.

Для цитирования: Вигель Н.Л., Меттини Э., Засеева Л.Т. Социокультурная концептуализация нежности как ритуализированной практики повседневных взаимодействий // Гуманитарные и социальные науки. 2026. Т. 116. № 3. С. 23-28. doi: 10.18522/2070-1403-2026-116-3-23-28

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.8)

Original article

Sociocultural conceptualization of tenderness as a ritualized practice of everyday interactions

© Narine L. Wiegel[1], Emiliano Mettini[2], Lilia T. Zaseeva[3]
[1, 2]Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russian Federation; [3]Gorsky State Agrarian University. Vladikavkaz, Russian Federation
[1]22nara@mail.ru

Abstract. A comprehensive conceptualization of tenderness as an emotional relationship combining gentleness, caring and delicacy is proposed, with an emphasis on its role in social rituals. Analyzing lexical, philosophical, historical, and socio-cultural dimensions, the authors distinguish tenderness from intimacy, emotional intimacy, and vulnerability. Tenderness is presented as a symbolic resource in the rituals of everyday life, fulfilling the functions of reducing tension, marking group boundaries and compensating for the instrumentality of interactions. Gender, cultural, and bodily codes of tenderness are considered in individual and collective contexts, emphasizing its importance for maintaining social ties.

Key words: tenderness, social rituals, emotional care, symbolic exchange, proxemics, gender norms, cultural practices, everyday ritual, symbolic interactionism, vulnerability.

For citation: Wiegel N.L., Mettini E., Zaseeva L.T. Sociocultural conceptualization of tenderness as a ritualized practice of everyday interactions. *The Humanities and Social Sciences.* 2026. Vol. 116. No 3. P.23-28. doi: 10.18522/2070-1403-2026-116-3-23-28

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена глубокой трансформацией социальных связей в условиях современной культуры, где доминирование инструментальных и цифровых взаимодействий часто ведет к деперсонализации общения. В «обществе достижений» и рыночной логики эмоциональные ресурсы, такие как нежность, нередко вытесняются как «непрактичные» или стигматизируются как признаки слабости. Однако именно нежность выступает критически важным стабилизатором социальной системы, выполняя функции снижения коллективной тревожности и гуманизации повседневных практик. Научный интерес к нежности как к ритуализированному компоненту продиктован необходимостью междисциплинарного анализа того, как мягкие формы аффективного взаимодействия конструируют ощущение безопасности и групповой принадлежности, преодолевая отчуждение и регулируя гендерные и телесные нормы в современном социуме.

Целью работы является концептуализация нежности как структурного и ритуализированного компонента социальных взаимодействий, а также выявление ее функций в поддержании и воспроизводстве социальных связей через призму культурно-философского анализа. Задачи исследования:

- провести лексико-философский анализ понятия «нежность», проследив эволюцию его смыслов от античной этики и христианской традиции до современных теорий психоанализа и гендерных исследований;
- дифференцировать нежность от смежных категорий – интимности, эмоциональной близости и уязвимости, определив её специфическое место в системе межличностных отношений;
- раскрыть содержание нежности как символического ресурса социального обмена в рамках микросоциологического подхода и теории символического интеракционизма.
- выделить и классифицировать ключевые функции нежности в социальных ритуалах (аффективное регулирование, маркировка групповых границ, компенсация инструментальности);
- проанализировать влияние гендерных и культурных кодов на практику проявления нежности, а также рассмотреть её телесные и проксемические измерения в контексте повседневности.

Обсуждение

Определение и концептуализация нежности требует сочетания лексического, философского и культурного подходов, поскольку слово «нежность» охватывает широкий спектр переживаний, поведения и смыслов. На уровне определения нежность можно описать как эмоциональное отношение, выражаемое через мягкость, заботу, деликатность и внимание к эмоциональному или телесному состоянию другого. Это не просто чувство симпатии; нежность подразумевает готовность откликнуться на уязвимость, сохранить пространство для слабости и проявить бережное отношение без доминирования или эксплуатации. Важной характеристикой является направленность на сохранение и поддержание связи: жесты, слова и действия, которые уменьшают тревогу, обеспечивают комфорт и усиливают ощущение безопасности. Нежность одновременно имеет субъективный и интерактивный характер – она переживается внутри личности и подтверждается откликом другого.

Исторические и философские корни понятия нежности уходят в разные традиции мыслящих о чувстве и морали [1, с. 26]. В античной философии внимание к мягким чувствам было менее выделено по сравнению с добродетелями мужественности и храбрости, однако уже у стоиков и эпикурейцев обсуждалась роль привязанностей и эмоциональной умеренности [2; 3]. В христианской этике нежность соотносилась с идеями милосердия и сострадания; в богословской традиции она находила выражение в образах заботы Бога о человечестве и призыве к милосердным поступкам между людьми [4, с. 47]. Новоевропейская философия, особенно в работах сентименталистов XVIII в., начала рассматривать чувственность как морально значимый ресурс: сочувствие и благожелательность стали критерием нравственности.

Далее в XIX в. романтическая эстетика возвысила тонкие эмоциональные переживания, привнеся эстетическую ценность в опыт нежности, связывая его с интимностью и внутрен-

ней искренностью. В XX в. психоанализ уделил внимание ранним объектным отношениям, где нежность рассматривается как ответ на потребности ребенка и как фактор формирования привязанности [5; 6; 7]. Современные философские и культурные теории добавили анализ власти, гендера и социальных практик: нежность перестала быть просто личной чертой и стала социальной категорией, пересекающейся с нормами, ролями и институциями [8, с. 139].

Разграничение нежности, интимности, эмоциональной близости и уязвимости важно для точного анализа [9, с. 8]. Нежность – это качественная форма отношения или поведения, направленная на заботу и деликатность; интимность обозначает степень доступности и приватности отношений, пространственное и эмоциональное сближение, где раскрытие личного контента возможно и приветствуется. Эмоциональная близость отражает устойчивую взаимную связь, основанную на доверии и знании друг друга; она включает, но не исчерпывается проявлениями нежности. Уязвимость – состояние открытости к риску быть ранимым, раскрытие слабостей – и может быть как триггером для нежности (побуждая заботу другого), так и причиной боли или эксплуатации [10; 11].

Иными словами, нежность предполагает активный отклик на уязвимость, тогда как сами понятия интимности и близости описывают контекст, в котором такие отклики происходят. Уязвимость не всегда ведет к нежности; в зависимости от социальной динамики она может вызвать агрессию, игнорирование или наоборот – сострадательное вмешательство [12, p. 93]. Различие также проявляется в направленности: нежность ориентирована на защиту и поддержание другого, интимность фокусируется на взаимном доступе, а близость – на стабильности и глубине отношения.

Нежность как культурный и социальный феномен проявляется на индивидуальном и коллективном уровнях, и здесь важно рассматривать как символические, так и практические измерения. На индивидуальном уровне нежность строится через личный опыт, воспитание, стили привязанности и телесные привычки выражения эмоций. Семья, образовательные практики и локальные культурные нормы формируют представления о допустимом выражении нежности: что считается «мягкостью», а что – слабостью, где и когда уместно проявлять заботу.

В классических социологических и антропологических теориях (Дюркгейм, Гофман, Тэрнер) ритуал понимается как формализованная, повторяющаяся последовательность действий, обладающая символическим значением и выполняющая функцию интеграции социальной группы. Традиционно акцент делался на публичных, церемониальных ритуалах. Однако современные исследования микросоциологии повседневности (Гофман) показывают, что ритуализированные практики пронизывают всю ткань социальной жизни, включая неформальное общение.

В этом контексте нежность – комплекс вербальных, невербальных и проксемических актов, выражающих заботу, эмпатию и позитивную эмоциональную вовлеченность – предстает не как маргинальный или сугубо приватный феномен, а как значимый элемент социальных ритуалов. Цель данной статьи – концептуализировать нежность как структурный компонент ритуалов, обеспечивающий их эффективность в поддержании социальных связей.

Согласно теории символического интеракционизма (Мид, Блумер) и концепции дара (Мосс), социальное взаимодействие строится на обмене символическими ресурсами. Нежность выступает одним из таких ресурсов, циркулирующих в рамках ритуального обмена. Ее проявления – тактильный контакт (легкое прикосновение к руке, объятие), вербальные формулы («как я рад тебя видеть»), визуальные контакты (теплый, продолжительный взгляд) – являются культурно обусловленными знаками, транслирующими сообщения о признании, принятии и принадлежности.

В ритуале встречи/прощания (например, на светском приеме или дружеской вечеринке) нежность выполняет функцию *ритуального подтверждения связи*. Объятие или двойной поцелуй в щеку – это не просто формальность, а перформативный акт, публично подтверждающий и укрепляющий существующие социальные узы. Интенсивность и продолжительность

этих актов коррелируют с предполагаемой близостью отношений, регулируясь негласными социальными нормами. Нежность выполняет несколько ключевых функций в рамках социальных ритуалов:

Функция снижения социальной напряженности (аффективного регулирования). В ситуациях неопределенности или потенциального конфликта (например, деловые переговоры, знакомство в новой компании) умеренные проявления нежности (открытая поза, улыбка, мягкий тон голоса) выступают как «социальные смазки». Они сигнализируют о добрых намерениях, снижают уровень тревоги и облегчают установление коммуникативного контакта.

Функция маркировки групповых границ. Ритуалы, насыщенные нежностью (например, традиционные формы приветствия внутри закрытого клуба, семьи или субкультурной группы), служат для различения «своих» и «чужих». Знание и правильное воспроизведение этих кодов является условием включения в группу.

Функция компенсации инструментальности. В контексте формальных или инструментальных взаимодействий (рабочие встречи, светские беседы) вкрапления нежности (комплимент, выражение заботы о самочувствии собеседника) вносят элемент персонализации и человечности, компенсируя обезличенный характер таких контактов и поддерживая социальную ткань.

Ритуалы нежности глубоко телесны и пространственно организованы. Работа Э. Холла о проксемике позволяет анализировать, как дистанция, угол поворота тела и характер прикосновений кодируют уровень близости и характер отношений в рамках ритуала. Легкое касание плеча во время разговора в коктейль-баре – это микрожест, который, будучи уместным, сокращает символическую дистанцию между собеседниками и углубляет взаимодействие, превращая его из обмена информацией в обмен эмоциональными сигналами.

Проявления нежности в социальных ритуалах строго регулируются гендерными и культурными нормами. В разных социокультурных контекстах варьируется допустимая степень и формы телесного контакта между людьми одного и разного пола, возраста и социального статуса. Нарушение этих кодов (например, избыточная или недостаточная нежность) может быть воспринято как социальная оплошность, ведущая к дисфункции ритуала и нарушению взаимодействия.

Нежность, таким образом, не является внешним или случайным элементом социальной жизни. Она представляет собой институционализированный, ритуализированный компонент повседневных взаимодействий, выполняющий важные социоинтегративные функции. Анализ нежности через призму ритуала позволяет переосмыслить ее как мощный инструмент построения и поддержания социальной реальности, символический ресурс, циркулирующий в пространстве социальных отношений [12, p. 93].

На коллективном уровне нежность становится частью ритуалов, эстетики и общественных практик: от народных представлений о семейных обязанностях до медийных образов, рекламных стратегий и политических дискурсов о «заботе» как государственной функции [13; 14]. В массовой культуре нежность может быть как товаром – стилизованной эмоцией, которую продают через визуальные образы и жанры, так и политическим инструментом, использующимся для создания образа «гуманности» и легитимации власти. Кроме того, в социокультурном измерении нежность пересекается с гендерными нормами: традиционно женская эмоциональная работа и роль заботы ассоциировались с ожиданием проявления нежности, что одновременно воспроизводит неравенство и предоставляет платформу для переосмысления и политизации этой чувствительности.

Современная культура характеризуется гибридностью проявлений нежности: с одной стороны, растет интерес к практике замедления, эмоциональной эмпатии и гендерной де-конструкции, которые расширяют возможности для выражения нежности вне строгих ролей; с другой стороны, коммерциализация и визуальная экспозиция интимности в социальных сетях ставят под сомнение искренность таких проявлений. Коллективные практики проявления нежности – волонтерские движения, общественные кампании в области психического здоровья, институци-

ональные программы поддержки – показывают, как нежность может быть институционализирована и использоваться для укрепления социальных сетей безопасности [13; 14]. Однако одновременно культурные нарративы могут стигматизировать нежность как непрактичную или слабую, что приводит к двусмысленному отношению общества к этому феномену.

Таким образом, нежность следует рассматривать не только как личную эмоцию, но и как сложную культурно обусловленную практику и символический ресурс. Ее понимание требует учета исторических пластов, философских размышлений о нравственности и чувственности, а также социокультурного анализа, который выявляет, как взаимосвязанные структуры власти, гендера и экономики формируют допустимые и возможные способы быть нежным. Такое комплексное видение позволяет рассмотреть нежность не как неизменную природную категорию, а как подвижный и многомерный феномен, имеющий свои возможности и ограничения в конкретных культурных контекстах.

В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу, что нежность не является исключительно интимным, инстинктивным чувством, а представляет собой сложную, социально детерминированную и культурно обусловленную практику. Как ритуализированный компонент повседневности, нежность выступает мощным инструментом медиации: она смягчает жесткость социальных иерархий, минимизирует конфликты и объективирует признание ценности другого субъекта.

Выводы

Анализ показал, что нежность функционирует как специфический символический капитал, обмен которым позволяет поддерживать «социальную ткань» в условиях формализованных взаимодействий. Несмотря на современные вызовы – такие как коммерциализация эмоций и трансформация гендерных стереотипов – нежность сохраняет свой статус фундаментального антропологического и социального ресурса. Она не только обеспечивает сохранность личной уязвимости в публичном пространстве, но и выступает основой для формирования новых солидарностей, ориентированных на этику заботы и эмпатии. Таким образом, концептуализация нежности позволяет глубже понять механизмы устойчивости микросоциальных структур в динамично меняющемся мире.

Список источников

1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
3. *Гоффман Э.* Анализ культуры. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2015. 320 с.
4. *Долфусс К.* Символы повседневной жизни: Ритуалы и церемонии в современном обществе // Социологические исследования. 2018. № 5. С. 45–56.
5. *Зборовский Г.Е.* Социология повседневности. М.: Аспект Пресс, 2012. 256 с.
6. *Ильин В.И.* Антропология образа жизни: Личностно-субкультурный подход к социальному конструированию идентичности. СПб.: Алетейя, 2001. 415 с.
7. *Лакан Ж.* Семинары. Книга XI. Четыре фундаментальных понятия психоанализа. М.: Гнозис, 2000. 368 с.
8. *Фрейд З.* Психология повседневной жизни // *Фрейд З.* Психология бессознательного. М.: Азбука, 2018. С. 112–145.
9. *Шейла Д.* Гендерные ритуалы: Телесность и социальные нормы // Гендерные исследования. 2020. № 2. С. 78–92.
10. *Bourdieu P.* Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. Cambridge: Harvard University Press, 1984. 613 p.
11. *Elias N.* The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations. 2nd ed. Oxford: Blackwell, 2000. 930 p.

12. *Goffman E.* The Presentation of Self in Everyday Life. New York: Doubleday, 1959. 259 p.
13. *Hall E.T.* The Hidden Dimension. New York: Doubleday, 1966. 217 p.
14. *Mauss M.* The Gift: Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies. London: Routledge, 2002. 240 p.
15. *Turner V.* The Ritual Process: Structure and Anti-Structure. Chicago: Aldine Publishing, 1969. 213 p.

References

1. *Barth R.* Selected works: Semiotics. Poetics. M.: Progress, 1989. 616 p.
2. *Bakhtin M.M.* The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance. M.: Fiction, 1990. 543 p.
3. *Goffman E.* Cultural analysis. St. Petersburg: Publishing House of the European University, 2015. 320 p.
4. *Dolphuss K.* Symbols of everyday life: Rituals and ceremonies in modern society // Sociological research. 2018. No. 5. P. 45-56.
5. *Zborovsky G.E.* The Sociology of everyday life. M.: Aspect Press, 2012. 256 p.
6. *Ilyin V.I.* Anthropology of lifestyle: A personal and subcultural approach to the social construction of identity. St. Petersburg: Aleteya Publ., 2001. 415 p.
7. *Lacan J.* Seminars. Book XI. Four fundamental concepts of psychoanalysis. M.: Gnosis, 2000. 368 p.
8. *Freud Z.* Psychology of everyday life // Freud Z. Psychology of the unconscious. M.: ABC, 2018. P. 112-145.
9. *Sheila D.* Gender rituals: Physicality and social norms // Gender Studies. 2020. No. 2. P. 78-92.
10. *Bourdieu P*. Difference: a social critique of taste judgment. Cambridge: Harvard University Press, 1984. 613 p.
11. *Elias N.* The civilizational process: sociogenetic and psychogenetic research. 2nd ed. Oxford: Blackwell, 2000. 930 p.
12. *Goffman E.* Self-image in everyday life. New York: Doubleday, 1959. 259 p.
13. *Hall E.T.* The Hidden Dimension. New York: Doubleday, 1966. 217 p.
14. *Moss M.* Gift: forms and functions of exchange in archaic societies. London: Rutledge, 2002. 240 p.
15. *Turner V.* The ritual process: structure and anti-structure. Chicago: Aldin Publishing, 1969. 213 p.

Статья поступила в редакцию 10.03.2026; одобрена после рецензирования 23.03.2026; принята к публикации 25.03.2026.
The article was submitted 10.03.2026; approved after reviewing 23.03.2026; accepted for publication 25.03.2026.